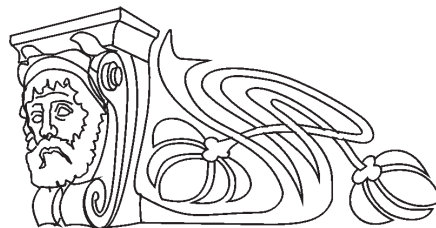

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 184–188
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 184–188
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-2-184-188>, EDN: MKODEK

Научная статья
УДК 94(2)|1909/1913|

К вопросу о приеме женщин в адвокатуру позднеимперской России: саратовский прецедент

Ю. В. Варфоломеев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Варфоломеев Юрий Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России и археологии, ybartho@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию одной из актуальных социально-правовых проблем Российской империи начала XX в. – вопроса о допуске женщин в адвокатуру. В статье подробно рассматриваются политико-правовые коллизии и пробелы в законодательстве того времени, касающиеся приема женщин в сословие присяжных поверенных. **Теоретический анализ.** Судебной реформой 1864 г. была введена в российскую правовую систему присяжная адвокатура. Автор анализирует ключевые законодательные акты, регулирующие вопрос приема в адвокатское сословие женщин, начиная с Указа 1871 г. и заканчивая разъяснениями Правительствующего Сената, которые на протяжении нескольких лет создавали противоречивую ситуацию: с одной стороны, женщины получали высшее юридическое образование и сдавали государственные экзамены, с другой – сталкивались с систематическими запретами на вступление в сословие присяжных поверенных. **Эмпирический анализ.** Центральное место в исследовании занимает «саратовский прецедент» 1911 г., связанный с попыткой зачисления И. Г. Пшеничной в помощники присяжного поверенного, а также аналогичные случаи в Москве и Казани. На основе анализа архивных материалов и публикаций в дореволюционных юридических изданиях («Право», «Журнал Министерства юстиции») в работе показана острая дискуссия в судебной системе и юридическом сообществе, а также неоднозначная роль Судебных палат и Сената в формировании правоприменительной практики. **Результаты.** Сделан вывод, что основной причиной затяжного характера «женского вопроса» в адвокатуре являлось несовершенство и противоречивость российского законодательства. Отсутствие прямого запрета в «Правилах...» 1874 г. сочеталось с ограничительным толкованием более ранних актов (Указ 1871 г.) и подзаконных разъяснений Сената, что создавало почву для бесконечных споров и прецедентов.

Ключевые слова: «женский вопрос» в адвокатуру, прецедент, Совет присяжных поверенных, Саратовская судебная палата, И. Г. Пшеничная

Для цитирования: Варфоломеев Ю. В. К вопросу о приеме женщин в адвокатуру позднеимперской России: саратовский прецедент // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 184–188. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-2-184-188>, EDN: MKODEK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Admission of women to the bar in late imperial Russia: The Saratov precedent

Yu. V. Varfolomeev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yuri V. Varfolomeev, ybartho@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-4488-6582>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of one of the relevant socio-legal problems of the Russian Empire in the early 20th century – the issue of admitting women to the bar. The article examines in detail the political and legal conflicts and gaps in the legislation of that time regarding the admission of women to the class of sworn attorneys. **Theoretical analysis.** The judicial reform of 1864 introduced the sworn bar into the Russian legal system. The author analyzes the key legislative acts regulating the admission of women to the legal profession, starting with the Decree of 1871 and ending with the explanations of the Governing Senate, which created a contradictory situation for several years: on the one hand, women received higher legal education and passed state exams, but, on the other hand, they faced systematic restrictions on joining the bar. **Empirical analysis.** The study focuses on the “Saratov precedent” of 1911, which involved the attempt to enroll I. G. Pshenichnaya as an assistant to a barrister, as well as similar cases in Moscow and Kazan. Based on the analysis of archival materials and publications in pre-revolutionary legal journals (*Pravo and Zhurnal Ministerstva Yustitsii*), the paper explores the heated debates within the judicial system and the legal community, as well as the complex role of the Judicial Chambers and the Senate in shaping legal practice. **Results.** The author concludes

that the main reason for the protracted nature of the “Women’s Question” in the legal profession was the imperfection and inconsistency of the Russian legislation. The absence of a direct prohibition in the “Rules...” of 1874 was combined with a restrictive interpretation of earlier acts (the Decree of 1871) and the Senate’s subordinate clarifications, which created a fertile ground for endless disputes and precedents.

Keywords: “The Women’s Question” in the bar, precedent, Council of Jury Attorneys, Saratov Court of Justice, I. G. Pshenichnaya

For citation: Varfolomeev Yu. V. Admission of women to the bar in late imperial Russia: The Saratov precedent. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 184–188 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2026-26-2-184-188>, EDN: MKODEK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В начале прошлого века в Российской империи обозначилась злободневная социально-правовая проблема, связанная с допуском женщин в адвокатуру. Противоречивость и трудноразрешимость этой проблемы была связана с политико-правовыми коллизиями и пробелами в российском законодательстве, что привело к обсуждению этого вопроса на законодательном и правительственном уровне, с одной стороны, и острой дискуссии в юридическом мире – с другой. В 1908–1913 гг. произошло несколько безуспешных попыток приема женщин в сословие присяжных поверенных, в числе которых следует назвать и саратовский прецедент, связанный с именем И. Г. Пшеничной.

В июне 1908 г. в состав присяжных поверенных округа Московской судебной палаты была принята Я. С. Подгурская, получившая высшее юридическое образование за границей, а затем сдавшая государственный экзамен в Московском университете. «Объявление резолюции совета о зачислении Подгурской было встречено громкими приветствиями», – сообщала газета «Русь» [1]. Молодая адвокатесса была зачислена помощником к одному из самых именитых московских адвокатов – присяжному поверенному А. Р. Ледницкому. Однако когда в ноябре этого же года Подгурская подала заявление о выдаче ей свидетельства на звание частного поверенного, Московский мировой съезд, рассматривавший это ходатайство в распорядительном заседании, ей отказал.

Еще больший общественный резонанс и жаркие дискуссии в судебной системе вызвал инцидент, связанный с попыткой помощника присяжного поверенного Е. А. Флейшиц выступить в качестве защитника по делу Дубровского, Пантафилова и Кадильника, обвиненных в краже бильярдных шаров. Председательствующий на процессе Н. Н. Таганцев предложил товарищу прокурора Н. И. Ненарокову дать заключение о допусчении г-жи Флейшиц в

качестве защитника на процессе. Обвинитель Ненароков дал отрицательное заключение, но суд вопреки этому после получасового совещания вынес постановление о допусчении женщины-адвоката к защите. В ответ на это прокурор предпринял вызывающий демарш, покинув зал суда [2]. Получив этот печальный опыт и размышляя о судьбе женской адвокатуры в стране в поисках прецедентов, Флейшиц отмечала несколько первых женщин-юристов, получивших статус частного поверенного: М. П. Аршаулову (Томск), В. Л. Кичееву (Иркутск) и Е. Ф. Козьмину (Московская судебная палата) [3, стб. 146].

Теоретический анализ

Образование и воспитание женщин в дореволюционной России проводилось в соответствии с традициями и потребностями общества и носило прагматический, утилитарный и патриархально-религиозный характер, ориентированный на женский «идеал». 26 (14) января 1871 г. император Александр II утвердил Указ Правительствующего Сената «О допусчении женщин на службу в общественные и правительственные учреждения», который фактически расставил на тот момент все точки над *i* по данному вопросу. Четыре первых пункта этого документа детально регламентировали все сферы деятельности, которым могли посвятить себя россиянки, а вот пятый – носил запретительный характер и гласил: «...воспретить прием женщин, даже и по найму, на канцелярские и другие должности во всех правительственных и общественных учреждениях, где места предоставляются по назначению от начальства и по выборам»¹.

При этом возникал резонный вопрос: по каким конкретным основаниям этот запрет ограничивал право женщин заниматься адво-

¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2-е. Т. 46. Отд. 1. № 49137. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1871. С. 36–37.

катской практикой? Ответ в данном случае двоякий. Во-первых, пресловутый «пятый пункт» категорически запрещал женщинам судебное представительство по гражданским делам на основании ст. 406-1 Учреждений судебных установлений². Во-вторых, запрет распространялся и на получение женщинами статуса частного поверенного. Между тем прямого ограничения прав женщин ходатайствовать по судебным делам в «Правилах о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам» от 25 мая 1874 г. не содержалось³. Поэтому потребовалось разъяснение, данное Высочайшим повелением от 7 января 1876 г., последовавшим по Всеподданнейшему докладу министра юстиции, по итогам которого был официально сформулирован запрет женщинам заниматься частной адвокатской практикой [4, с. 486].

Эмпирический анализ

В 1911 г. провинциальный Саратов, как столица судебного округа, оказался в центре крупного общероссийского политико-правового скандала. Дело в том, что в феврале этого года госпожа И. Г. Пшеничная, «выдержавшая государственный экзамен по окончании юридического образования», обратилась в Совет с заявлением о зачислении ее в помощники к присяжному поверенному А. И. Скворцову, и с его согласия Совет удовлетворил это ходатайство. Однако Судебная палата в порядке надзора отменила это постановление [5, с. 124.]. В качестве аргументации своего решения Судебная палата указала на то, что «помощники присяжных поверенных для того, чтобы изучить практически адвокатское дело, должны выступать в качестве защитников по уголовным делам и в качестве поверенных тяжущихся по гражданским делам», в противном случае их нельзя будет признать занимавшимися судебной практикой, и, таким образом, по истечении стажа они не могут быть приняты в сословие присяжных поверенных. Следовательно, госпожа Пшеничная после ее зачисления в помощники присяжного поверенного должна была бы заниматься судебной практикой под руководством своего

патрона – присяжного поверенного. В этом случае ей пришлось бы выступать в качестве защитника подсудимых по уголовным делам и в качестве поверенного по гражданским делам.

Мотивируя свой отказ, Судебная палата ссылалась на решение Соединенного присутствия Первого и Кассационных департаментов Правительствующего Сената от 13 ноября 1909 г., состоявшееся «по вопросу о правильности допущении к уголовной защите, окончившей курс юридических наук Гитли Флейшиц» [5, с. 125.]. В то же время сенаторы подтвердили, что на право женщин ходатайствовать по судебным делам имеется «единственное указание в ст. 389 Учр. Судебн. Уст., согласно которой не воспрещается тяжущимся давать доверенности на ведение тяжёбных дел своим родителям, супругам и детям, из чего следует, что на ведение дел могут быть уполномочиваемые из лиц женского пола исключительно матери, жены и дочери тяжущихся». На основании сенатского решения Судебная палата пришла к заключению, что «И. Г. Пшеничная могла быть допущена к защите подсудимых и к ведению чужих дел в суде гражданском только в случае близких семейных отношений к подсудимым и тяжущимся, о которых упоминается в ст. 389 Учр. Суд. Уст.» [5, с. 126]. Однако, по мнению членов Судебной палаты, подобное положение вещей не дало бы стажеру возможности заниматься судебной практикой, изучить на практике адвокатское дело и приобрести опыт, необходимый для самостоятельного ведения уголовных и гражданских дел. При этом было справедливо обращено внимание на то, что занятие кабинетной практикой и канцелярской работой у присяжного поверенного такого опыта помощнику присяжного поверенного дать не могли.

Принимая решение о приеме И. Г. Пшеничной в помощники присяжного поверенного А. И. Скворцова, члены Совета в своем постановлении высказали соображение о том, что ко времени окончания ее кандидатского стажа «закон может предоставить ей право вступить в сословие присяжных поверенных». Очевидно, адвокаты, наблюдая за устойчивой тенденцией приема женщин в сословие присяжных поверенных в разных судебных округах страны, надеялись, что этот тренд будет поддержан членами Государственной думы и авторитетными российскими юристами, а это в конечном итоге приведет к изменению законодательства в пользу положительного решения вопроса о при-

² Свод законов Российской империи. Т. 16. Ч. II. СПб., 1897. С. 227–320.

³ Высочайше утвержденные Правила о лицах, имеющих право быть поверенными по судебным делам от 25 мая 1874 г. // ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. 49. Отд. 1. № 53573. СПб. : Тип. II Отд. Собств. е.и.в. канцелярии, 1876. Ст. 6. С. 832–834.

еме женщин в адвокатуру. Однако Саратовская судебная палата развеяла эти радужные мечты адвокатов и сухо официально указала на то, что «при разрешении вопроса о возможности зачислить И. Г. Пшеничную в помощники прис. пов. А. И. Скворцова, следует руководствоваться ныне существующими законами, а не теми, которые могут быть в будущем» [5, с. 127].

Между тем не все адвокаты готовы были смириться с этим решением. На заседании Совета в мае 1912 г. присяжный поверенный С. П. Красников вернулся к этой проблеме и заявил, что «в деле г-жи Пшеничной о зачислении ее в помощники присяжного поверенного Совет действовал не энергично, ничем не реагировал на определение Судебной Палаты, признавшей, что г-жа Пшеничная не имеет права быть помощником присяжного поверенного, и никаких мер к удовлетворению ее ходатайства не принял» [5, с. 135]. На это заявление председатель Совета Н. И. Семенов аргументированно ответил, что Совет и теперь, как и тогда, когда выносил свое определение о зачислении г-жи Пшеничной в помощники присяжного поверенного, признает за нею право быть адвокатом, но должен был подчиниться определению Палаты, так как обжаловать в Сенат не имел права. Вступив в дискуссию, присяжный поверенный Г. М. Грушецкий предложил собранию выразить Совету солидарность с его действиями, а адвокат Красников «находил нужным предложить Совету присяжных поверенных в случаях возникновения принципиальных вопросов сноситься с Советами других округов и входить с ходатайствами к министру юстиции» [8, с. 135]. Поддерживая эту идею, председательствующий Н. И. Семенов сообщил, что Саратовский совет «вошел по этому, и ряду других принципиальных вопросов (например, о праве евреев быть присяжными поверенными) в переписку с другими Советами, которые выразили по ним свою солидарность» [5, с. 136].

В 1912 г. аналогичная ситуация, связанная с приемом женщин помощниками присяжного поверенного, повторилась в Казанском судебном округе – Совет присяжных поверенных принял в свое сословие двух женщин, а в октябре 1913 г. – еще одну. На этот раз реакция Сената была назидательно жесткой: «Председатель Совета казанских адвокатов лишился своего поста, и, кроме того, – отмечает Н. Лободюк, – ему на год запретили заниматься обязанностями присяжного поверенного» [6, с. 37].

Тем не менее, вопрос о вступлении женщин в адвокатуру благополучно и быстро разрешился сразу же после Февральской революции. В марте 1917 г. министр юстиции А. Ф. Керенский, выступая перед членами Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты, предложил окончательно решить эту застарелую проблему. «Я предложил бы вам, – обратился он к своим коллегам, – товарищи присяжные поверенные, разрешить вопрос о зачислении в сословие женщин-юристов, так как прежняя практика в отношении женщин была глубоко несправедливой» [7, с. 11]. В течение нескольких месяцев была проведена необходимая подготовительная работа, и 1 июня 1917 г. Временное правительство приняло Декрет «О допуске женщин к ведению чужих дел в судебных учреждениях». Этот правовой акт устанавливал: «1. Представить лицам женского пола: а) вступать в число присяжных поверенных и присяжных стряпчих; б) получать свидетельства на право ходить по чужим делам в качестве поверенных...» [8, с. 77]. Для вступления женщин в адвокатскую корпорацию применялся обычный порядок приема, который существовал на тот момент. К тому времени в столичный Совет присяжных поверенных поступило уже 45 прошений от женщин-юристов, и первой русской женщиной-адвокатом, теперь уже вполне официально, на законных основаниях, стала С. А. Нечаева [9, с. 71.]. Так закончилась пятидесятилетняя гегемония представителей сильного пола в русской адвокатуре.

Результаты

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основной причиной затяжного характера «женского вопроса» в адвокатуре являлось несовершенство и противоречивость российского законодательства. Отсутствие прямого запрета в «Правилах...» 1874 г. сочеталось с ограничительным толкованием более ранних актов (Указ 1871 г.) и подзаконных разъяснений Сената, что создавало почву для бесконечных споров и прецедентов. В решении этого злободневного вопроса судебные органы страны – окружные суды, Судебные палаты и Сенат – играли неоднозначную роль. В то время как Советы присяжных поверенных, например, в Москве, Саратове и Казани, проявляли эмансипированный подход и пытались зачислять женщин, вышестоящие инстанции,

прежде всего Сенат, последовательно отменяли эти решения, ссылаясь на формальные запреты (в частности, на ст. 389 Учр. Суд. Уст. о праве представительства только для близких родственников). Это, безусловно, демонстрирует консервативность высшей судебной инстанции в вопросах изменения сложившихся устоев. Однако эта проблема вышла далеко за рамки узкословной. Инциденты с Е. А. Флейшиц и И. Г. Пшеничной вызвали широкий общественный резонанс, жаркие дискуссии не только в юридическом мире, но и в прессе. Само адвокатское сообщество не было едино: были как ярые сторонники, так и те, кто предпочитал не обострять конфликт с властью. Тем не менее, стало очевидно, что проблема не может быть решена на уровне прецедентов или внутрикорпоративных решений Советов. Требовалось прямое волеизъявление законодателя. Попытки адвокатов лоббировать изменение законов через Государственную думу и министра юстиции не принесли быстрого результата в условиях доминирования патриархальных традиций царской России.

Ситуация кардинально изменилась только после Февральской революции 1917 г. Декрет Временного правительства, подготовленный при активном участии профессионального адвоката министра юстиции А. Ф. Керенского, окончательно устранил правовую коллизию. Это доказывает, что решение проблемы носило не только юридический, но и политический характер, и требовало преодоления патриархальных устоев на государственном уровне. Таким образом, полувековая борьба за право женщин быть адвокатами завершилась их официальным признанием.

Список литературы

1. От нашего корреспондента // Русь. 1908. 23 мая.
2. Набоков В. Д. Может ли женщина вести защиту перед уголовным судом? // Право. 1909. № 46. Стб. 2473-2481.

3. Флейшиц Е. О женской адвокатуре // Право. 1910. № 2–3. Стб. 146–147.
4. Учреждение судебных установлений / сост. Н. Шрейбер. 2-е изд. СПб. : Сенат. тип., 1914. 860 с.
5. Исторический очерк деятельности Совета присяжных поверенных округа Саратовской Судебной Палаты в период 1905–1914 гг. Саратов, 1914. 159 с.
6. Лободюк Н. Л. «Воспитывать детей, а не заниматься адвокатурой» // Бизнес-адвокат. 2001. № 3. С. 36–39.
7. Керенский А. Ф. Речи, беседы, письма. М. : Новая эпоха, 1917. 127 с.
8. Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2–3. 331 с.
9. Варфоломеев Ю. В. «Разве суд – это компания кутящих мужчин?»: женский вопрос в дореволюционной адвокатуре // История в подробностях. 2012. № 11 (29). С. 68–71.

References

1. From our correspondent. *Rus`* [Rus], 1908, May 23 (in Russian).
2. Nabokov V. D. Can a woman defend herself in a criminal court? *Pravo* [Law], 1909, no. 46, column 2473–2481 (in Russian).
3. Fleishits E. On women's advocacy. *Pravo* [Law], 1910, no. 2–3, column 146–147 (in Russian).
4. *Uchrezhdenie sudebnykh ustanovleniy* [Schreiber N. (comp.) Establishment of judicial regulations. 2nd ed.]. St. Petersburg, 1914. 860 p. (in Russian).
5. *Istoricheskiy ocherk deyatel'nosti Soveta pris'yazhnykh poverennykh okruga Saratovskoy Sudebnoy Palaty v period 1905–1914 gg.* [Historical sketch of the activities of the Council of Jury Attorneys of the District of the Saratov Court Chamber in the period of 1905–1914]. Saratov, 1914. 159 p. (in Russian).
6. Lobodyuk N. L. "To raise children, not to practice law". *Biznes-advokat* [Business Lawyer], 2001. no. 3, pp. 36–39 (in Russian).
7. Kerensky A. F. *Rechi, besedy, pis'ma* [Speeches, conversations, and letters]. Moscow, Novaya era, 1917. 127 p. (in Russian).
8. *Zhurnal Ministerstva yustitsii* [Journal of the Ministry of Justice], 1917, no. 2–3. 331 p. (in Russian).
9. Varfolomeev Yu. V. "Is the court a company of carousing men?": The women's issue in the pre-revolutionary legal profession *Istoriya v podrobnostyax* [History in Details], 2012, no. 11 (29), pp. 68–71 (in Russian).

Поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 02.03.2026
The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 02.03.2026